

вается В. П. Адрианова-Перетц в работе «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского».³⁶ В этой статье она подробно рассматривает плач Епифания Премудрого в «Житии Стефана Пермского». Говоря о том, что Епифаний в силу жанровых особенностей своего произведения (житие) должен был быть весьма осторожным «в применении фольклорной поэтики» в своих плачах, В. П. Адрианова-Перетц вместе с тем отмечает, что «есть все основания думать, что и самый обычай бытового оплакивания покойников и содержание этих причетей он знал».³⁷ В. П. Адрианова-Перетц отмечает в епифаниевском плаче Пермской церкви и пермян ряд мотивов, «обычных и для народных вдовьих причетей».³⁸ Возможно, что Епифаний использовал даже отдельные фразеологизмы из текстов народного творчества. Фраза из Плача Пермской церкви — «Увы мне, кого к рыданию моему призову на помощь, кто ми пособит плакаться, кто ми слезы отреть, кто ми плачь утолить, кто ми печаль утешить?» — очень напоминает начальные строки из духовного стиха «Плачь Иосифа, Прекрасного»: «Кому повем печаль мою, Кого призову ко рыданию?».³⁹

И Евфимию Тырновскому, и Епифанию Премудрому присуща характерная для агиографов периода второго южнославянского влияния черта — сообщение (обычно во вступлении и в заключении) автора о себе, о задачах своего труда, о истории труда. У Евфимия это всегда очень риторическое рассуждение, скорее общефилософского характера, чем конкретное сообщение о самом себе. «Се уже, яже о ономъ повести начяло намъ творящим, самау призвати убо будеть оного благодеть, яже от бога искръно ть приять обилне, яко да не от ненаучения погрешити искомое, рукама възнакама, яко же глаголет ся, священнымъ касающесе и паче достоинства яже оного поведующе, яко да не мнее слышателя отъщетишь, лучших ползу оставяше. Аще убо должимъ и тлеющимъ поне и мало умом внимал би божьствнейший съ мужъ и о нечьсом земнемъ творил би попечение, въскоре того мимотеши хотехом память и забьвения отслати глубинамъ. Елма же предреченнаа въсе долу оставь, горнему внимааше отчьству, свободному и безбедному и тврѣдому, и въсецемъ образомъ тьщаши ся общааго постигнути отца и съдетеле, нужда и нам яже о нем отчяши съповедати. Яже бо иже прежде нас о немъ нехытре некако и грубе съписаши, сиа мы по лепоте, якоже ключимо есть, усрьдно съповедати потьщахом ся, известно ведяще, яко еже о отци повесть веселити обыче отцелюбезныхъ душою и к ревности въздвизати лучьшой» («Житие Иоанна Рыльского»)⁴⁰ «Единому бо будеть тьчию удобь та поведати Илариону, иже и душею и чювствомъ та обилне наслаждающомуся, егову ныне призвавше благодеть, аще и не по лепоте, обаче по възможному того съповемы деание и житие. Но якоже капля дъждевныя изчьсти не удобно, сице ниже сего деание и житие, разсеанна же мало негде обретше, в явление извести покушаемся. Верую бо, яко в сласть приметь, яко чядолюбивь отьцъ младенечная наша немотования. Аще ли от подобающаго далече негде останемъ, проститъ нам блаженаа она душа и въсекоя сладости испльненаа яко отьцелюбезнымъ чядомъ. Не поносить бо намъ о усрьдii, но и помощь дасть и съподспешитъ и руководствуетъ к истиннымъ сказаномъ. Вестъ бо, вестъ радоватися и спешити к искръннымъ ползи»

³⁶ ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 73—96.

³⁷ Там же, стр. 85.

³⁸ Там же.

³⁹ Ср.: П. Безсонов. Калекы переходные, вып. 1. М., 1861, стр. 187—199, №№ 40, 41, 42.

⁴⁰ Сочинения Евфимия Тырновского, стр. 6—7.